

Владимир Казангап

Итихаса

Книга первая

СВЯЩЕННЫЕ ГОРЫ

BYBLOS

Владимир Казангап
**Итихаса. Священные
горы. Книга 1**

«Библос»

2014

Казангап В.

Итихаса. Священные горы. Книга 1 / В. Казангап — «Библос», 2014

ISBN 978-5-905641-05-3

Слово «Итихаса» переводится с санскрита как выражение «Вот именно так и было». Чудовище, пожирающее демонов, где-то рядом. Стражи рыщут по всем ущельям. Что спасёт его, молодого демона? Сила мышц и ярость или любовь и чудесные способности могущественной красавицы-жрицы? Когда два любящих сердца соединяются, ничто не может им помешать – ни полчища жутких существ из подземных миров, ни зловещая рать коварного правителя, ни предательство наставников. И, может быть, он успеет стать человеком? Но как же поверить людям? Кто они, эти загадочные существа – люди, и что делают на этой Земле? Основываясь на обширном этнографическом и фольклорном материале, автор воспроизводит живые картины жизни древнего Алтая. Книга предназначена для широкого круга читателей, которым интересен всё ещё удивительный и загадочный Горный Алтай.

ISBN 978-5-905641-05-3

© Казангап В., 2014

© Библос, 2014

Содержание

Глава 1. Тараган	5
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Владимир Казангап

Итихаса. Священные Горы

Глава 1. Тараган

«Земля аратов большая. Две луны надо, чтобы с Восхода на Закат пересечь. От границ земли Хатой до земель Нартулиши тянется. До самого Тёплого моря доходит. Разрослось племя за века, раздвинуло границы. И на Ворот-звезду ушли сыновья со всем народом своим, и на Полдень уходили. Тесно стало в Священных Горах, на Восход да на Закат люди подались. Да там и осели. Кто мечом дорогу прокладывал, а кто и толковищем уладил. Сплелись с племенами дикими, тёмными. В лесах да болотах народу много живёт. Научили их пахать-сеять, тайгу корчевать да лосих приручать. Те и рады. Молока-то лосиного отродясь не пробовали. А уж коровьего да кобыльего и того паче. А про лепёшки и брюкву слыхом не слыхивали. Слылась кровь, взбурлила. Сильные дети поднялись в землях тех да на крыло встали. Девки все как одна – глаз не оторвёшь, одно загляденье. А наследки, те в пятнадцать годков, что твои великаны, из земли полуночной. Одной рукой ухватив коня за гриву, на землю его укладывают. А от племён диких им удаль передалась. Выйдут с топорами длинными да вострыми, встанут в ряд – широкими спинами стойбище закроют. Подходи, вражина, отведай. Редко кто рискнёт рать на них наслать. Ни к чему это. Ратников-то и так не същишь днём с огнём. А под их топоры народ на погибель гнать только по глупости великой можно. Лучшие уж сторонкой обойти да людей своих сохранить. Хорошо жили. Трудились до потов солёных, богов славили, Прародительницу не забывали. Все споры толковищем решали. По законам предков, со Священных Гор принесённых. Но, как говорится, память народная коротка. Замывает её Вреён-Река, как песком заносит. Далеко от Гор Священных да от Хранителей ушли. А может, и время такое настало. Да только объявились повсюду разбойничьи люди. Кто награл много – ханом¹ себя назвал. И отары свои заставил пасти тех, у кого он их же и отнял. Треснула земля аратов, раскололась. Всяк за себя стал. Озлобились люди, возненавидели друг друга. Дошло до того, что начали биться насмерть меж собой. Каждому хочется ханом быть. А жугани – вот они, тут как тут. Долго выглядывали из пустынь своих да облизывались. Не пускали их араты в землю свою, потому что те людей в жертву приносят богам своим поганым. Да ещё и человечинной питаются. Потому и зовут их детьми Чёрной Птицы. Как только Великий Ильхегул может смотреть на это? Словно Чёрная Птица с бронзовым клювом накрыла своими чёрными крыльями земли аратов. Так шли жугани. Зажужжали над стойбищами да над городищами чеканы жуганьские, зашипели стрелы над частоколами. Завыли бабы над полями сгоревшими. Полилась кровь аратская на землю. И одолели бы араты врага. Да злоба сильней оказалась. Не стали они друг другу помогать. А то и вредить начали, чтобы под чекан жуганьский обидчика старого подставить. Вот и добились своего: сегодня у соседа стойбище в огне, а завтра и у самого дочь за волосы по ограде волокут. Так и стала земля аратов жуганьской. По глупости людской да по злобе. А теперь и скот врагу отдавай и мыто² плати. И детей своих отдавай на погибель страшную да на утеху. Если же голову поднимешь, враз стойбище выжгут. И весь род вырежут. Своего-то живота не жалко за детей отдать, а вот род жалко. Кончится род, где потом родишься? Кто тебя в землю свою, в семью примет? Вот и живут араты с опущенной головой. А у самих внутри всё кипит, вот-

¹ Хан – вождь племени, государь (тюрк.).

² Мыт – в Древней Руси государственная пошлина с торговли. Взималась при провозе товаров через заставы. – Прим. ред.

вот разорвёт. И разрывает порой. Ринется мужик на жуганей, зарычит, как медведь раненый, задушит голыми руками нескольких, да и сам рядом с ними ляжет. Только чекан в воздухе прожужжит и всё – голова надвое. А этим нелюдям всё одно – тут же есть начинают, причмокивая. Для них мозги человечьи – что лосиное молоко для дикарей. И эти тати уже до Священных Гор добрались, рыщут там в поисках Хранителей. Не будет Хранителей, не будет народа. Сила народа – в знаниях, веками накопленных, да в словах божьих, предкам когда-то переданных. Они подсказывают, как участь свою людскую при жизни очистит да через Бездны Нави после смерти проскочить. Но про то лишь Хранители ведают. Никто не знает, где они сейчас. В ущельях да горах схоронились. Только легенды да пророчества народ спасают. Душу греют. Про Хранителей пророчества, про Героев да про Золотого Всадника, который ломает Чёрной Птице её бронзовый клюв...

*Месяц малой жары, год кабана.
28608 год от сотворения мира».
Из летописей Тёплой Обители.
Книга летописей «О веках древних»*

Река Карасуу, зажата хребтами, бурно несется по уступам. Склоны хребтов покрывает тайга. Кое-где над макушками кедров высятся каменные утёсы серого известняка, задевая вершинами облака. Над утёсами парят соколы, охраняя свои гнёзда и высматривая добычу. Северный склон одного из хребтов каменной стеной обрывается к реке, и только у самого подножия виднеется небольшая полоска земли, по которой вьётся тропка, выбитая косулями и маралами. Расширяющееся книзу ущелье покрыто кустами маральника и колючего зайчатника. Ветер то и дело поднимает над лесом облака кедровой пыльцы, перемешивая и разнося вокруг запахи тайги. Над цветами усердно трудятся пчёлы, собирая нектар и опыляя растения. Ниже по течению реки виднеются небольшие поляны, поросшие горным разнотравьем. На одной из них стоит большой восьмиугольный курень из добротных кедровых брёвен с конусной крышей, покрытой корой. Из отверстия на крыше струится дымок, разнося вокруг запах горящих сучьев и печёного мяса.

В сумерках со стороны леса показался всадник на вороном жеребце. Усталый запыленный конь осторожно ступал по каменистой тропе, изредка мотая головой и всхрапывая. Всадник не торопил его, видимо, жалея. А может, и хотел убедиться, что около куреня никого нет, зорким глазом осматривая лес. Никому не хочется напороться на засаду жуганей. Уж лучше в бою погибнуть, чем к ним в полон попасть. Они не посмотрят ни на твой выбритый череп и косу из макушки, ни на татуировки на плечах. Им что воин, что пастух, всё одно. Для них люди Священных Гор все одинаковые. Все чужие. Или еда, или раб. Да и ханские слуги не будут спрашивать, кто ты да откуда. Так поймут, что не свой. У ханских слуг войлочные плащи новые да чистые. Стирать есть кому. И сустуги³ на груди блестят. Щиты деревянные под бронзой к седлу приторочены. Да и не ездят они по одному. Всегда дюжина, две, и обязательно со стягом, чтобы жугани да разбойничьи люди не трогали. Если ты пастух, скорее всего, они не тронут. А если у тебя череп выбрит, коса тугая от макушки до пояса спускается да ещё и меч под плащом, значит ты или разведчик чей, или убийца наёмный. Накинут сеть, потом пытаться станут. А там пока разберутся, неизвестно чем всё закончится. Про разбойничьих же людей вообще говорить нечего. Того и гляди, на плечи кто-нибудь прыгнет или стрела из зарослей прилетит. Плащ, хоть старый и грязный, да от ветра и холода спасает. Кожаные доспехи с сустугами на груди тоже денег стоят. А конь да меч в разбойничьем хозяйстве обязательно пригодятся. Вот и не торопился всадник. Кусты осматривал, лес слушал. Подъехал к коновязи, спешился, привя-

³ Сустуги – бронзовые защитные бляхи на груди воина.

зал жеребца и, ещё раз оглядевшись, направился к двери жилища. Спустившись по земляным ступенькам вниз, незнакомец открыл дверь и вошёл в просторное помещение. Хозяин дома, коренастый старик с абсолютно белой редкой бородкой, сидел у круглого каменного очага на стуле из куска бревна лицом к двери и курил длинную деревянную трубку с каменным чубуком, пуская в отверстие крыши сизые облачка дыма. Его голубые глаза щурились от дыма. На безволосом темени плясали красные блики. Заплетённые в косичку волосы у него не были седыми. Они оказались белого цвета. Абсолютно белого. Без единого оттенка. Что странно выглядело на фоне загоревшего, с глубокими морщинами лица. Несмотря на возраст, старик сидел прямо, а в его глазах светились негибкая воля и сила, отличающие воина от простого пастуха или охотника.

– Входи, входи, Равар⁴. Тараган⁵ давно ждёт тебя, – старик встал, приветствуя гостя рукопожатием и указывая ему на один из обрубков бревна, – снимай свой плащ и присаживайся к огню.

Он подложил в очаг несколько сосновых веток. Те немного подымили и дружно загорелись. Весёлые языки пламени заплясали на стенах жилища. Гость затворил за собой дверь, снял плащ и сел у очага, скрестив под собой ноги. Огонь осветил суровое обветренное лицо и голубые глаза, смотревшие приветливо на старика.

– Давно Выпрыгивающий Из Земли не навещал старика Тарагана, – хозяин протянул гостю трубку, держа её обеими руками.

Гость принял драгоценный предмет, на мгновение замер в поклоне, обращённом в пространство, прошептал краткую молитву, затем так же с поклоном, держа обеими руками трубку, вернул её хозяину. Тараган взял трубку и, пустив облачко дыма, задумался. Тишину нарушало лишь потрескивание веток в очаге. Гостя не удивило такое поведение старика. Он замер, с пониманием глядя на Тарагана и стараясь не мешать. Кто знает, может, старик в этот момент с духами разговаривает, а может, видит что-то незримое. Не к погонщику верблюдов ведь на званый ужин зашёл. Есть в мире дела поважней гостеприимства и человеческих предрассудков. Особенно когда тебя призывает к себе отшельник. Да ещё сокола за тобой посылает. А может, он вовсе шаман? Вполне может быть. Тогда про обычные человеческие отношения надо вообще забыть. Здесь другие ценности. Зная старика уже четыре года, Равар так и не понял, кто он, поэтому сидел тихо и ждал. Ждал чего-то важного. Первый раз за все время Тараган сокола послал. Значит торопился. Быстрее сокола лишь ветер. Наконец, хозяин вышел из оцепенения и пододвинул гостю большое бронзовое блюдо с печёным мясом.

– Угощайся, Тараган ждал Выпрыгивающего Из Земли, поэтому приготовил кабаргу, – старик вынул трубку изо рта, – поешь, наверное, целый день не слезал с лошади. Пыли на твоём плаще в два пальца. Только сначала пригубим этот божественный напиток, – сказал он, протянув гостю маленькую пиалу с прозрачной жидкостью.

– Мир и счастье всем существам, – он обмакнул палец в свою пиалу, брызнул через плечо в огонь, выпил содержимое и вновь взял трубку в рот.

– Тараган ещё помнит, какое имя дали Равару в далёкой полунощной земле пастухи оленей? – гость улыбнулся, отрывая зубами кусок мяса, пахнущего костром.

– Тараган помнит, – глаза старика потептели. Улыбка тронула губы, – такое не скоро забудешь. Лесные Шатуны тоже до сих пор помнят. Мало кто из них тогда от стойбища ушёл. До сих пор стороной обходят то место.

На некоторое время в доме вновь воцарилось молчание. Тараган курил трубку, а гость с аппетитом уплетал мясо, украдкой посматривая на хозяина и слизывая горячий жир с пальцев и губ. Он был явно голоден.

⁴ Равар – от слов «ра» – солнце, свет (пратославянск.) и «вар» – центр Вселенной (пратославянск.).

⁵ Тараган – от слова «тара» – древняя богиня, защитница людей.

– Как поживаешь, как здоровье? – Равар, наконец, нарушил тишину, доедая последний кусок мяса.

Старик ответил не сразу, глядя в пространство.

– На здоровье и жизнь жаловаться не пристало, слава Великим Духам. А вот ум Тарагана тёмен.

– Что случилось, уважаемый Тараган? – прищурился Равар. Он внимательно следил за стариком, не переставая жевать, но тревожные нотки в голосе Тарагана насторожили воина.

– Тараган разговаривал со странствующими гарипами⁶, – старик прямо смотрел перед собой, – они предрекают приход Белого Карлика и конец какого-то света. Они не те, за кого себя выдают. Белый Карлик всегда жил в этих горах. Мои предки оставляли для него на перевалах сыр, кобылье молоко и араку. Белый Карлик – хозяин этих мест. Правда, народ сейчас забыл не только о подношениях духам гор и духам предков, но и о самих предках. Плохие времена, – старик вновь пыхнул трубкой.

– А жрецы? – Равар отложил обглоданные кости и вытер губы рукой. – Чем они занимаются? – удивился он.

Тараган взглянул на него. В глазах его мелькнуло презрение.

– Жрецы вконец обезумели! Золотой Змей сожрал их умы!

– Но они и так, по-моему, неплохо жили, – ещё больше удивился Равар и развёл руками.

– Им слепит глаза блеск застёжек на одежде жрецов Чёрной Птицы, – старик подался вперёд. Лицо его исказила гримаса презрения, – они уже переняли обычаи жречества. С народом разговаривают только за подарки, имеют целое войско охраны и рабов. Настроили большие дома из брёвен, завели наложниц и захватили безграничную власть. Они даже начали носить золотые украшения! Как бабы! Это не жрецы, это рядовичи, торговцы! Народ потянулся к колдунам, выдающим себя за шаманов, которые проводят кровавые ритуалы в горах. Плохо, очень плохо. Ещё эти гарипы! Как будто все сговорились! Эти люди ходят по деревням, рассказывают всякую чушь, а народ верит им на слово. Это тоже плохо. Тараган знает, гарипы пришли сюда с Заката, от Тёплого моря. Они из Нартулии. Люди, живущие у подножия Священных Гор, слишком наивны, чтобы придумать такую чушь.

– Что они рассказывают? – гость подался вперёд, ковыряя в зубах щепкой. Лицо его стало серьёзным, голос изменился.

– Они говорят, что скоро придут люди в чёрных одеждах, – старик изредка указывал трубкой в пространство, – которые прогонят злого Чёрного Ильхегула, спасая от него людей, и создадут здесь царство нового доброго бога Лучезарного Дарителя Жизни. Богов много. А духи – помощники их. Тараган слышал о разных народах. Но там, где люди делят богов на плохих и хороших, всегда льётся кровь. Брат поднимает руку на брата, а сын на отца. Бог, или Великий Дух, не может быть хорошим или плохим. Он не может приказывать убивать друг друга из-за того, каким именем народ называет бога. Такой бред может придумать только человек. Ложь и подлая хитрость – вот оружие тех, кто всё это задумал. Вслед за ложью сюда придёт зло. То зло, которое, как грязь, течёт во все стороны и поселяется в умах людей постепенно, поколение за поколением, превращая их в животных. Тогда брат поднимает руку на брата, а сын – на отца из-за золота или клочка земли.

– Этого не может быть! – в голубых глазах Равара промелькнуло недоверие, – не может сын поднять руку на отца из-за золота!

– Ещё как может, – повысил голос старик – и даже не из-за золота, а из-за одного тажуура⁷ араки. Тараган слышал о людях, которые убивали своих родителей, когда те становились немощными!

⁶ Гарипы – иноземцы (древнеславянск.).

⁷ Тажуур – кожаный сосуд для жидкости (тюрк.).

Старик замолчал. Он смотрел прямо перед собой и глаза его метали молнии.

– Что они называют «царством нового доброго бога»? – прервал гость тишину. Беспокойство плескалось в его глазах. Казалось, он только сейчас ощутил всю серьёзность слов Тарагана.

– Какую-то ерунду, в которой трудно разобраться, – лицо старика вновь исказила гримаса презрения, – враньё на враньё. Одно понятно, что людей от кого-то спасать собрались.

Старик замолчал, куря трубку, потом продолжал уже спокойнее:

– И это не всё. В селениях на большой реке пропадают люди, и все они из горных стойбищ. В роду хана Шонкора⁸ пропало уже двенадцать молодых девушек и среди них его дочь Чечек. Шонкор хочет начать войну с жуганями. Если это случится, погибнет весь его род. Когда-то очень давно жугани пошли на аратов войной. Была великая битва, и многие погибли, защищая свой очаг. Оставшиеся в живых ушли в горы, и сейчас араты платят дань жуганям. А те только и ждут, чтобы начать новую войну и истребить весь народ.

Тараган снова задумался, пуская облачко дыма. Ничто не нарушало тишину, лишь потрескивание углей в очаге, да фырканье коня на поляне, отгоняющего хвостом оводов.

– У аратов есть пророчество, – прервал тишину старик, – о приходе Золотого Всадника, который освободит народ от гнёта. Он разобьёт войско Чёрной Птицы здесь в горах и будет гнать его до самой их цитадели. А там он спросит с них за всё. Но это лишь пророчество. Нам придётся драться самим. Начинается война.

Старик замолчал. Гостю передалось его настроение. Последнее слово старика прозвучало как гром и зависло в воздухе. Равар изменился в лице. Он больше не улыбался, глаза его стали бесстрастными и холодными.

– Шонкор собирается штурмовать городище Куюс. Разведчики доложили, что где-то там обрываются следы похищенных. Но у него мало воинов, способных вести осаду. Да ещё под стенами городища стоит рать Тёгюнчи кагана⁹. Люди Шонкора полягут все ещё на поле, не дойдя даже до кольев ограды.

– Но есть другие способы войны, – Равар с нетерпением подался вперёд, – для того чтобы победить, не обязательно биться лоб в лоб.

– Тараган знает, но сотники Шонкора не знают, – старик смотрел в огонь. Зрачки его беспокойно двигались. Наконец, он взглянул воину в глаза, – Равар изучал способы ведения войны с детства, поэтому хану без него не обойтись. Равар ввяжется в это ради чужого для него народа?

– Неужели у Тарагана совсем потемнело сознание, и он хочет пойти на славную битву один, а своего друга Равара бросить одного в тайге? – холодно спросил воин, не отрывая взгляда от лица старика. Он сделал жест рукой от левого плеча вниз наискосок, – и народ этот мне не чужой! Тараган зря говорит такие слова!

Глаза его потемнели. Он смотрел на собеседника и, казалось, не узнавал его.

– Тараган, конечно, не прав, – старик в глубине души корил себя за неловкие слова. Он несколько раз кивнул головой. Губы его тронула виноватая улыбка, – но Тараган всё-таки рад решению Равара.

– Тогда ближе к делу. Что ещё известно о пропавших людях, где они или зачем их похитили? – Равар постарался поскорее сменить тему разговора.

Он чувствовал себя неловко. Повышать голос на старших среди воинов считалось неприличным. А сейчас своими словами он заставил старика оправдываться. Равар склонил голову и отвёл взгляд, чтобы Тараган не увидел, как он краснеет.

Старик еле заметно улыбнулся, приняв молчаливое извинение и услышав смягчившийся голос друга. Ему всегда нравился этот юноша с голубыми, чистыми глазами и сердцем льва,

⁸ Шонкор – сокол (тюрк.).

⁹ Тёгюнчи каган – лживый царь (тюрк.).

который, когда нужно, мог внезапно превратиться в беспощадного демона и изрубить в куски десятерых. О его силе и ловкости ходили легенды. Но сам по себе он был добр и скромен. Тараган выбил пепел из трубки, засунул её в специальный карман на длинном, выше колен сапоге из шкуры оленя.

– Тараган встретился с Белым Карликом. Белый Карлик поведал Тарагану, что все пропавшие люди в большой опасности. Девушек принесут в жертву в пещере под озером Каракэль.

– Кому и зачем это нужно!? – Равар подался вперёд. Губы его плотно сжались. В глазах вспыхнул беспощадный огонь.

– Где они сейчас, Белый Карлик не знает, – старик смотрел в пространство и, казалось, пытался найти ответ, – и Тараган не знает. Знает только, что они там, где много народа, и что их скрывает кто-то очень могущественный. Если жертва будет принесена, скала, запирающая озеро, лопнет, и вода из него упадёт в ущелье, смывая все стойбища на своём пути до самой реки Катын. Земля будет трястись и камни сыпаться с гор, а к реке прикатится огромный вал грязи и перекроет её.

– Кому и зачем это нужно?! В этом нет никакого смысла! – почти закричал Равар и заёрзал от негодования. Глаза его метали молнии, ноздри нервно раздувались.

– Белый Карлик поведал Тарагану, что на дне озера лежит древняя реликвия, – старик говорил, медленно подбирая слова, – её охраняет вода. Кто-то хочет спустить воду и завладеть этой реликвией. Тогда мир перевернётся и станет совсем другим. Равновесие добра и зла нарушится. Это нужно остановить. Выпрыгивающий Из Земли ещё не разучился выпрыгивать из земли? – старик снова набил трубку, зажгёт её. Получив утвердительный ответ, он кивнул головой.

– Шонкор ждёт и без нас не начнёт, потому что в городище Куюз что-то нечисто. Там есть большой дом – заезжий двор для очень богатых купцов и гарипов. Построили его лет пять-шесть назад и о нём идёт дурная слава. Говорят, что гарипы эти иногда пропадают, а их лошадей и товары продают на местном торжище. Эх! – старик ударил себя по колену, – когда Тараган был молодым, мы такие городища брали в один день! Мы уничтожали места, откуда по земле вслед за ложью и подлой хитростью течёт зло! Тьфу! – старик сплюнул в сердцах.

Прошло много времени, прежде чем он вновь заговорил, дополняя рассказ соответствующими жестами:

– Каменная крепость, высотой с гору. Осаду начали на рассвете, а к середине дня уже пали ворота. К закату солнца всё было кончено. И хозяин погиб и все, у кого было оружие в руках. Мы никого не оставили в живых. Когда уходили, народ из стойбищ провожал нас с поклонами. Хозяин этого замка очень уж лютым был, магией занимался какой-то древней, с человеческими жертвоприношениями и всякими кровавыми оргиями. Даже местный правитель его боялся. В подвале замка всякая нежить пряталась. Тарагану пришлось всю ночь там с ними возиться. Только к утру удалось связать их за хвосты и похоронить под каменной плитой. С тех пор волосы Тарагана стали белыми, как снег на вершинах гор.

– Где это Тараган научился таким вещам? – с недоверием спросил Равар, пристально глядя на старика.

– Далеко отсюда, очень далеко, – старик смотрел на огонь и, казалось, находился где-то далеко, в какой-то неизвестной стране, затерянной в воспоминаниях, – когда Тарагану было пять лет, он попал в плен и его увезли в далёкую страну, где продали в рабство. Через два года Тараган сбежал и, двигаясь на юг, дошёл до гор. В горах легче выжить. Тараган тогда уже неплохо стрелял из лука. Прячась в горах и постоянно передвигаясь, Тараган обнаружил каменный город. Он находился очень высоко, там, где, казалось, никто жить не может. В этом городе жили люди, похожие на Тарагана. Они разводили скот и торговали с теми, кто обитал в долинах. Тараган прожил в городе несколько лет, помогая одному местному ведуну собирать в окрестных горах целебные травы и готовить из них зелья. Однажды Тараган, собирая

лишайники с камней далеко от города, у самых снегов, встретил старика, сидящего прямо на холодном камне. Из одежды на нём была только старая ветхая накидка, кое-как обмотанная вокруг торса. Он сидел, скрестив ноги и сложив ладони рук на уровне живота. Глаза у него были закрыты. Тараган подумал, что человек умер и замёрз, но потом с ужасом обнаружил, что снег таял вокруг старика, открывая всё новые и новые камни. Тараган едва не умер со страху, когда старик приветливо улыбнулся и открыл глаза. Это был местный жрец-отшельник. Пятнадцать лет Тараган учился у старика разным диковинным вещам, овладевая очень странным искусством, о котором здесь и в странах далеко на Закат никто ничего не знает. Однако Тараган не смог постичь главного.

Старик вытряхнул пепел из трубки.

– Чего? – нетерпеливо переспросил гость с широко открытыми глазами.

– Ничего, – хозяин пожал плечами и, виновато улыбаясь, развёл руками.

– Что это значит? – нахмурил брови собеседник, пытаясь понять, куда клонит старик.

– Значит ничего и одновременно всё. ЭТО нельзя назвать никаким словом, – сказал Тараган предельно серьёзно, боясь, что воин не поверит ему, – в языке у людей нет такого слова. Некоторые народы называют это Прародителем Неба и Земли, некоторые – верховным богом, давая ему имя. Наш народ называет его Создателем. Древние араты называли его Кангый¹⁰. Если Млечный Путь это хребет Великой Вселенной, то Кангый – её кровь.

– Не понимаю! – потёр рукой лоб Равар. Взгляд его, устремленный в пространство, блуждал в поисках ответов. Но ответы не находились.

– Так вот и Тараган не понимает! – ещё раз развёл руками старик, – Тараган знает только одно: кто постигнет ЭТО, у того откроются глаза. А мы все здесь просто слепые котятка, которые ползают в поисках материнского соска, создавая друг другу и себе всевозможные трудности.

– Да, чего только на свете не бывает! – заметил Равар, глядя на угли в очаге. Воспоминания уносили его в непроходимые джунгли далёкой страны Хатой. Почему-то именно их вызвал у него рассказ старика.

«... Страх заглушает всё. Стань мёртвым, и тогда ты услышишь, о чём думает лучник, стоящий за деревом и целящийся в тебя, – говорил маленький старичок с длинной седой бородой, нанося Равару удары палкой.

Воин, балансируя на краю пропасти, на дне которой бушевала вода, увёртывался, подпрыгивал, когда палка пролетала снизу, отбивал удары руками, всеми силами цепляясь за жизнь. Смерть была за спиной, ревущая и бездонная. Равар пропускал удары один за другим, один или два раза едва не сорвался в пропасть, когда пятка оказалась в воздухе, и он потерял равновесие. Спина его покрылась холодным липким потом. Вдруг старичок сломал палку о колено пополам и отбросил её в сторону. Достав из-за спины бронзовый меч, он крикнул:

– У тебя остался один выход – умереть, – он резко выбросил руку с мечом вперёд, целясь в середину туловища, – так сделай же это!

В одно мгновение в Раваре словно что-то обрушилось. Оковы, связывающие, казалось, уже тысячи лет его тело и сознание, рассыпались в прах, и какая-то неведомая ему сила рванула его тело вверх. Всё происходило очень медленно. Пока старичок вытягивал руку, Равар успел перевернуться в воздухе над ним и приземлиться сзади. Казалось, он мог беспрепятственно наносить удары по спине и затылку своего учителя, но старик молниеносно развернулся и нанёс ему удар по ногам, припав при этом к земле. Меч со свистом разрезал пустое пространство. Равар прыгнул вверх и приземлился там, где лежали половинки сломанной палки. Взяв их за концы, он принял одну из поз, позволяющих сражаться с вооружённым мечом противником. Равару понравилась эта игра, игра сущности, живущей на скале. Он летел вверх, переворачиваясь несколько раз в воздухе, приземлялся, отбивал удары, наносил свои, катился с бешеной

¹⁰ Кангый – основа Вселенной (тюрк.).

скоростью по земле, догоняя противника, снова наносил удары, снова прыгал и летел в воздухе...»

Воспоминания пронесли в голове и затихли. Воин вновь услышал голос Тарагана.

– Тараган видит и слышит многое, чего люди не видят и не слышат. Тараган видит след шмеля в воздухе и нити событий, связывающих людей. Но он знает далеко не всё. Тараган не знает, кто послал этих драных гарипов, которые больше всего на свете любят деньги, тёплые постели и пьяных женщин! Тот, кто их послал, очень могущественный и богатый. Но вот зачем им нужна кожа Тарагана, не пойму.

– Не понял! – встрепенулся Равар, застигнутый врасплох.

– Тараган сам не понимает, – продолжал старик, не обращая внимания на интонацию собеседника и поднимаясь на ноги, – им нужно не только убить старого Тарагана, но ещё содрать с него кожу и отрезать голову. Прямо сегодня.

– Не понял... – повторил Равар, напоминая змею перед броском.

– По ущелью поднимается отряд в две дюжины всадников, они идут за Тараганом. Равару нужно уходить.

– Почему уходить!? – Равар вскочил на ноги. – Оставить Тарагана одного против целого отряда мразцев!? Ни за что! Я им такую кожу покажу...!!!

– Хорошо, – Тараган похлопал его по плечу, успокаивая. Было видно, что другой реакции он и не ожидал, надеясь на помощь друга, – только спрячься в лесу и раньше времени не вмешивайся.

– Почему нельзя уйти и спрятаться в горах?! – не унимался Равар, раздувая ноздри.

– Потому что нам нужен человек, который их ведёт. Только он знает, зачем сюда пришли эти странствующие гарипы и кто их послал. Только он знает, где спрятаны дети. Нужно, чтобы он остался один. Тараган специально позволил им узнать, где он живёт. И есть ещё но, – старик смотрел гостю в глаза, медленно кивая головой, – обязательно нужно, чтобы наше знакомство с этим гарипом состоялось именно так.

Гость кивнул, плотно сжав губы. Они обменялись крепким рукопожатием, глядя друг другу в глаза, после чего Равар вышел из дома, закрыв за собой дверь. Его обступила темнота. Когда глаза стали различать окружающие предметы, он отвязал жеребца и пошёл вверх по ручью в сторону водопада. Оставив коня в зарослях молодого кедра, воин вернулся обратно, обходя поляну с куренем вокруг и, спустившись ниже по ручью, спрятался в зарослях акации. Вскоре мимо него прошествовал целый отряд вооружённых всадников. Равар насчитал двадцать четыре человека на восемнадцати конях. Даже в темноте было видно, что всадники с трудом управляли лошадьми, едва не падая с них. Выждав немного, воин поспешил за ними по едва различимой тропке. Приблизившись к поляне, он накинул на голову капюшон и, став в темноте почти невидимым, стал осторожно пробираться вперёд.

Из-за большой горы, поросшей лесом, показалась луна и осветила окрестности. Серебряный свет лился на деревья, кусты, траву и бесшумно движущихся по поляне людей. Ветер приносил из чащи леса запахи прелой хвои и кедровой смолы. Равар осторожно пробирался ближе к открытому участку, стараясь оставаться в тени. Внезапно идиллию природы нарушил запах конского пота и винного перегара. Равар замер, пытаясь понять, где спрятаны лошади. Услышав хруст ветки под ногой лошади, воин двинулся на звук, осторожно ступая по земле. Вскоре он различил силуэты лошадей и двух нартулийцев, спрятавшихся за стволы деревьев. Безрукавки мехом наружу прикрывали костяные доспехи. Равар не видел их лиц, хотя слышал их дыхание и шёпот.

– Ты видел когда-нибудь его? – голос гарипа слегка подрагивал, выдавая скрытый страх.

– Нет, но я слышал, что он отроде Ильхегула и что он ест людей, – ответил другой, пребывая не в лучшем расположении духа.

Нартулиец выругался шёпотом, уже не пытаясь сдерживать себя.

– Зачем мы пошли в этот... «божественный поход»?! От этих лошадей уже задница болит. И зачем мы здесь?! Чтобы нас съели?! Хызри сказал, что не даст денег, пока мы его не поймем, а я не могу без вина это делать, у меня руки трясутся. Ты что молчишь?!

Выглянув из-за дерева, он в ужасе раскрыл рот и выпучил глаза. Товарищ его, суча ногами, лежал на земле с перерезанным горлом, а прямо перед ним, освещённый луной, стоял человек с капюшоном на голове. Страх сковал нартулийца. Руки и ноги окаменели, а горло свело судорогой. Последнее, что он увидел, это занесённый над ним бронзовый чекан.

Несколько человек, одетых в шкуры, с мечами в руках, осторожно приблизились к избушке. Двое встали по бокам двери, один взялся за ручку, готовый ударить мечом, остальные рассыпались по поляне, положив стрелы на тетиву луков. Стоящий напротив двери поднял руку. Все замерли, ожидая сигнала. Как только рука резко опустилась, открыли дверь и ворвались внутрь. Лучники продолжали стоять, нервно поводя направленными на невидимого врага стрелами.

– Стрелять во всё, что движется, даже в крыс! – скомандовал главный – Во всё...

Договорить он не успел. Нартулийцы с криками и перекошенными от ужаса лицами выбежали из раскрытой двери и кинулись прочь. Предводитель схватил одного из них за шиворот и пинками попытался привести в чувство.

– Чего ты орёшь?!

– Хызри, там змеи, полный дом змей, я не хочу туда, не хочу! – нартулиец отбивался, пытаясь вырваться.

– Что ты мелешь?! – Хызри бросил бившегося в истерике человека и решительно направился к избушке.

– Все ко мне, – раздался над поляной его командирский голос.

Это вселило некоторую уверенность в его подчиненных, и они снова двинулись к двери. Открывшаяся перед ними картина заставила содрогнуться даже самого Хызри. Он отшатнулся от освещённого проёма и схватился за амулет на шее. Внутри дома в отблесках очага виднелась фигура человека, замотанного в шкуры, который сидел спиной к двери с низко опущенной головой. Из спины торчал меч, воткнутый одним из нападавших. Вокруг очага, около двух локтей, было пустое пространство. Остальная часть земляного пола представляла собой единую шевелящуюся массу. Это были змеи – и маленькие, размером с палец, и огромные, толщиной с человеческую ногу. Они медленно извивались, то поднимаясь кольцами, то опускаясь на пол и исчезая в общей массе. Стены жилища тоже были покрыты чёрными движущимися лентами. С потолка свисали, покачиваясь и злобно шипя, змеиные головы. Дикий крик, полный ужаса и боли, вновь раздался над поляной и эхом раскатился по окрестным лесным чащам, погружённым во мрак. Это кричал тот нартулиец, который первым ворвался в дом. Хызри бросился к нему. Тот держал в руке огромную, толщиной с запястье, извивающуюся змею. Она вонзила свои ядовитые зубы ему в шею и лицо. Левая щека быстро опухала, темнея на глазах. Казалось, что оцепеневший человек не мог с ней расстаться. Собрав последние силы, бедняга размахнулся и отбросил огромную, в четыре локтя, змею подальше от себя. Слышно было, как она ударилась о землю где-то на краю поляны. Нартулиец успел сделать несколько шагов и произнести:

– Она залезла под одежду... Это он залез... Я знаю..., – после чего захрипел, покачнулся и упал навзничь.

Когда к нему подбежали люди, было уже поздно. Бедняга был мёртв, на губах у него выступила пена. Его чёрно-фиолетовое лицо с заплывшими от отёка глазами в свете луны представляло собой жуткое зрелище.

– Закрывать дверь!!! – заорал Хызри что есть силы.

Он чувствовал, что теряет управление, и ударами подгонял подчинённых, которым самим не терпелось закрыть эту ненавистную дверь и сжечь все, что там находилось.

– Бегом, собаки ленивые, хворост тащи, огонь давай, живо!!! – кричал Хызри, размахивая мечом над головами спящих вокруг людей.

Он понимал, что совершает ошибку, но никак не мог понять, какую. Мешали сосредоточиться дрожь в пальцах, которую он с трудом пытался унять, ком, подкатывающий к горлу, и ощущение, что на него из леса смотрят в упор тысячи глаз. Он чувствовал этот злобный взгляд буквально кожей. Нартулийцы закрыли дверь восьмиугольного дома, подпёрли её бревном и завалили низенькие стены хворостом.

– Огонь давай быстрее, собаки! – кричал Хызри, и в его голосе был слышен страх. Он лихорадочно осматривал кусты и стволы деревьев на краю поляны, пытаясь отыскать то существо, которое смотрело ему в спину, отчего по ней шёл неприятный холодок, а волосы на затылке начинали шевелиться.

Хвоя трещала в пламени, разбрасывая вокруг искры. Подойдя к двери, Хызри поджёг наваленную около неё кучу сухих веток, потом обошёл жилище вокруг и поджёг кучи хвороста у всех восьми стен, затем забросил горящую ветку на крышу.

– Теперь посмотрим, что ты нам сможешь показать, мерзкая тварь! Не хочешь стореть – выходи!

Пока пламя разгоралось, всё больше и больше освещая поляну, дрожь в руках унялась, а ком в горле исчез. Зато усилилось ощущение совершенной ошибки или того, что его обвели вокруг пальца.

«... Вы должны убить этого старика, – говорил воину огромный толстый человек по имени Варгул в одежде верховного жреца Нартулии с отличительными амулетами на груди и поясе. Хызри стоял на коленях около алтаря, опустив голову.

– И ты должен не только его убить. Ты должен содрать кожу с левого плеча и лопатки и отрезать ему голову, – голос жреца, казалось, исходил с неба, – иначе миссия твоя останется невыполненной. И это не потому, что я тебе не поверю, а потому, что он тебя обманет. Он вполне смертен, как и мы, но при этом очень хитёр. Он может превращаться в животных. Он – оборотень. Поэтому не успокаивайся, пока у тебя в руках не будет содранного с трупа куска кожи с татуировкой и головы. Лучезарный Даритель Жизни ждёт от тебя подвига...»

Воспоминания пронесли в голове воина, оставив там тень сомнения. Сомнения, в свою очередь, стали набирать силу, грозя разрушить саму сформировавшуюся на основе многолетнего опыта систему мироздания. Сильный удар в дверь изнутри дома вывел Хызри из задумчивости.

– Ну вот, – радостно воскликнул он, обретая в себе едва не рассыпавшуюся в прах уверенность, – старик внутри, и мы завершим миссию! Ко мне! Лук мне и стрелы!

Когда люди на поляне стали стаскивать к стенам избушки хворост, Выпрыгивающий Из Земли рванулся вперёд, доставая из ножен меч и беря в другую руку бронзовый чекан, но какое-то движение на краю поляны, в том месте, где никого не должно быть, заставило его остановиться. Он осторожно двинулся в том направлении, раздвигая мечом кусты. Наконец, взгляд его упал на торчащий из травы силуэт. Он почувствовал знакомый запах.

– Тараган, – тихо прошептал Равар, приближаясь. Старик не отзывался. – Тараган, ты жив? – громче повторил воин.

– Что ты так орёшь?! Аж на той стороне поляны слышно! – недовольный шёпот старика вызвал вздох облегчения у воина, – Тараган столько сил приложил, чтобы улизнуть, а ты хочешь всё испортить?! Помоги встать, с ногой что-то.

Равар буквально бросился к нему. Они редко виделись, но с самой первой встречи какое-то странное чувство, похожее на сыновнюю любовь, закралось в душу Равара и основательно поселилось там. Сейчас из беспощадного ночного демона он превратился в послушного внука, предупреждающего все движения деда и вместе с ним переживающего его боль. Тараган попробовал идти, но не смог.

- Уходи, – указал он в сторону леса, – я спрячусь, и они меня не найдут.
- Даже не уговаривай, – покачал головой Равар.

Он мог бы попробовать убить их всех, но шансов было мало. Судя по тому, что происходило на поляне, за Тараганом пришли не какие-нибудь стражники или пешщи¹¹, а настоящие воины. Взвалив упирающегося старика на плечо, Равар двинулся вверх по склону.

– Я же сказал, брось меня и уходи, – шипел Тараган, болтаясь за спиной воина, когда они поднимались на одну из вершин.

– Пусть Тараган лучше расскажет, как ему удалось уйти из дома незамеченным и как можно пройти через двадцать вооружённых воинов? – спросил Равар, задыхаясь от тяжести.

– Через двадцать четыре, – ответил старик, подняв голову и перестав ворчать.

– Уже двадцать, – пояснил воин, едва дыша.

– Когда успел? – оживился Тараган с нескрываемым удивлением.

– Двое охраняли лошадей, двое, спасаясь от змей, забежали слишком далеко, – хрипло отвечал воин, поднимаясь по скользкому склону.

– Понятно. Значит, их осталось девятнадцать, одного змея убила, – подытожил старик.

– А как Тарагану удалось собрать в одном месте столько змей?

– А ну быстро опусти меня на землю! – резко потребовал старик, замерев на плече у Равара.

– Только осторожно, так, так, положи на спину, – руководил он движениями, – всё, теперь отойди.

Тараган полез за пазуху и стал там шарить. Когда Равар отступил на шаг, старик вытащил руку и что-то аккуратно положил на землю. Выпрыгивающий Из Земли к своему великому удивлению увидел в траве свившуюся кольцами ядовитую змею размером в три локтя. Лунный свет, отражаясь от её кожи, играл бликами. Почувствовав прилив свежего воздуха, она зашевелилась и вскоре, расправив кольца, исчезла в траве. Воин непроизвольно сглотнул слюну.

– Бедная, наверное, чуть не задохнулась, – пожалел её Тараган, – а я и забыл про неё. Времён-Река берёт своё, – продолжал он, когда Равар снова взваливал его на плечо.

– Открой секрет, – воин уже справился с дыханием и спокойно шагал вверх по натопанной горными косулями тропинке, – с кем это они там воюют?

– Сами с собой, – Тараган, болтался за спиной, держась сзади за пояс Равара, – глупые люди! Они всегда воюют сами с собой. Нужно постараться только одного убедить, а остальные ему уже поверят. В доме нет змей, там вообще ничего нет. Единственную змею мы только что отпустили.

– Зачем Тараган носил под одеждой змею? Чтобы она укусила Выпрыгивающего Из Земли? – спросил воин, в голосе которого прозвучали язвительные нотки.

– У Тарагана нет ядовитых зубов, чем он, по-твоему, должен был защищаться, пришлось вот соседку попросить, – старик повернул голову, оправдываясь, – а принести вред Равару она не могла. Яд, которым она убила гарипа, ей теперь надо восстанавливать много дней. Даже её последние укусы были уже бесполезны.

Какое-то время они не разговаривали. Выпрыгивающий Из Земли двигался вперёд, преодолевая заросли кустарника, сплошь переплетённого с высокой травой. Из-под ног иногда сыпались камни, увлекая за собой куски мха и лишайника.

– Тараган уверен, что они разгадают его хитрость? – Равар остановился перевести дух, когда соскользнул с мокрого склона и едва не упал вниз.

– Это не простые воины. К тому же нам незачем прятать следы.

– Тогда надо торопиться, – воин глубоко дышал. По лицу его катился пот, – Тарагану придётся потерпеть.

¹¹ Пешщи – пешие воины.

Равар побежал, увёртываясь от веток и стволов деревьев, перепрыгивая попадающиеся под ногами камни. Тараган стиснул зубы и прикрыл голову рукой. Спустившись с хребта в долину, Равар сделал привал на берегу небольшой речушки, прислонив старика спиной к стволу кедра. Лицо Тарагана блестело от пота, видно было, что он испытывает сильную боль. Успокоив дыхание, Равар склонился над его больной ногой, осторожно расстегнул пряжки, снял сапог, ощупал руками ногу. Старик не произнёс ни звука, только слегка изменил положение головы, когда пальцы Выпрыгивающего Из Земли слегка надавили на больное место.

– Перелома нет! – обрадовался Равар и, взяв старика за пятку правой рукой, а левой за голень, резко и сильно дёрнул на себя. Сустав издал характерный звук, а Тараган громко крикнул от боли, закрыл глаза и, стиснув зубы, повалился на траву. Вскоре он глубоко задышал и приподнялся на локте.

– Ты что же, – прошептал он сдавленным от боли голосом, – хотел мне ногу оторвать?! Зачем дёргаешь, как медведь?

– Теперь легче будет, – попытался успокоить его Равар.

– Знаю! – голос старика уже не выражал столько боли. Он потрясал ладонью перед лицом Равара, – я говорю, зачем дёргаешь, как будто дерево вырвать хочешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.